

Гарет Паттерсон

Последние из свободных

Гарет Паттерсон

Последние из свободных

Паттерсон Г.

Последние из свободных / Г. Паттерсон —

Содержание

ПРОЛОГ	5
ВВЕДЕНИЕ	6
Глава первая. БЫТЬ СВОБОДНЫМИ!	11
Глава вторая. ИСТОРИЯ СЭЛМОНА, РАССКАЗАННАЯ ИМ В ТУЛИ	20
Глава третья. ЖИЗНЬ В «ТАВАНЕ»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Гарет Паттерсон

Последние из свободных

*ПОСВЯЩАЮ ДЖУЛИИ
С ЛЮБОВЬЮ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ
И ПАМЯТИ МОЕГО СЫНА,
ПУСТЬ НЕ ПО КРОВИ.
НО ПО ДУХУ
БЕСКОНЕЧНО РОДНОГО*

*Жизнь облаков суть расставания и встречи,
Улыбка и слеза.
Кейлил Джэбран. Улыбка и слеза
Любовь своей не знает глубины
До часа расставанья.*

Кейлил Джэбран. Пророк

ПРОЛОГ

Мбатиан – так называется самая высокая вершина Кении, устремившаяся ввысь над склонами из камня и снега. Его близнец – другой великий пик – называется Нелион. Эти рвущиеся к небу горные вершины были наречены в честь двух знаменитых братьев, вождей племен масаи, живших столетие назад и прославившихся как ясновидцы и мастера религиозных таинств. К северу от этих гор лежит пограничный район, где жаркие дни и холодные ночи и где пять лет тому назад жила Безымянная львица.

И был у той львицы верный рыцарь – огромный лев с желто-коричневой, золотой гривой, венчавшей его как царя дикой природы. Прошли недели со времени их страстной встречи, когда львица почуяла приближение родов и сыскала себе потаенный уголок, чтобы произвести и выкормить в нем потомство. Здесь, в укромном местечке, откуда открывался вид на гору Кения, она породила троих детенышей – троих львят, чьи судьбы слились с моей судьбой и о чьих жизнях я поведу речь.

О них и будет мой рассказ – о льве по имени Батиан и его сестричках Фьюрейе и Рафики – ПОСЛЕДНИХ ИЗ СВОБОДНЫХ.

ВВЕДЕНИЕ

Нам не следует определять ценность животных, не ведающих категорий ценностей. Нам нужно научиться гарантировать им свободу исключительно ради них самих. Но только сейчас человеческое мышление начинает приближаться к такому уровню нравственности.

Джордж Шаллер

Земля, в которой жила Безымянная львица, не была национальным парком. Это был отдаленный уголок Кении, где каким-то образом умудрялись сосуществовать бок о бок скотоводство и туризм, рассчитанный на любителей дикой природы. Здесь и охотилась наша героиня – ее добычей становились зебры, канны, конгоны, импалы, большие куду, газели Гранта, геренуки, но не брезговала она и домашним скотом.

Обитавшее в этих местах белое кенийское семейство Крэгов, имевшее доходы и от местного туризма, и от скотоводства, называло ее не иначе как отпетой живодеркой. Не желая губить львицу, Крэги с самого начала пытались отловить ее и живой сдать в национальный парк – тем самым удалось бы и ей сохранить жизнь, и уберечь скот от потерь. Но время шло, попытки заманить ее в ловушку оказались безуспешными, и скот продолжал гибнуть.

Вот и дилемма – конфликт между человеком и крупными хищниками, столь типичный для сегодняшней Африки. В результате исконный дикий мир, который сложнее и загадочнее, чем наш, все больше сдает свои позиции.

В то злосчастное утро львица, почуяв муки голода, медленно поднялась со своего материнского ложа, где выкармливала троих детенышей, потянулась, медленно вышла из своего укромного уголка и ушла. Осознав, что матери рядом с ними нет, львята подползли друг к другу и свернулись в один маленький рыжевато-коричневый клубок. Это успокоило их, и, подремывая, они стали ждать возвращения матери – а было этим несмышленишкам всего-то пять дней от роду. Но мать больше не вернулась. Не довелось им больше ни согреться ее теплом, ни отведать ее жирного молока, ни почувствовать прикосновение ее языка, гладившего их пестрые спинки и белые животы.

Тем ранним утром мать охотилась в долине, пытаясь насытиться сама и насытить своих крошек – свое будущее, спрятанное среди густой травы. Наконец она подкараулила и растерзала корову – действия, продиктованные символическим круговоротом жизни и смерти. Но с точки зрения человека, бесконечно удаленного от природных циклов, она совершила преступление – преступление против главной ценности человека – собственности...

В тот день Безымянная львица была убита наповал. Человек решил, что гибель скота дольше продолжаться не может и должна быть пресечена. Прогремел выстрел, онемело ее золотое тело – и тут человек обнаружил, что она вскармливала потомство. Крэги, опечаленные тем, что по их вине детеныши лишились матери, организовали поиски, и через два дня укромное гнездо, оставленное львицей, было наконец найдено. Так нашли Батиана, Фьюрейю и Рафики; детеныши оказались целыми и невредимыми, у них только что стали прорезываться глаза.

Крэги пеклись о детенышах в течение десяти дней, а затем полетели с ними в национальный заповедник Кора, лежавший в 250 километрах к востоку, и там передали старцу с пышными седыми волосами, потому что он один мог обеспечить им будущее не за прутьями клеток, а на воле. Этого старца звали Джордж Адамсон.

Крошечным львям суждено было стать Последними свободными – последними из длинной череды львов, прошедших через его заботливые руки. А Первой из свободных была львица по имени Эльза, которую Джордж и его жена Джой возвратили на свободу в 1956 году. С Эльзы началась эра Рожденных свободными – из историй о животных, чья жизнь в дикой природе была связана не только с жизнью им подобных, но и с жизнью людей. Повесть «Рожденная свободной» снискала, возможно, самый большой успех и любовь читателей. Ставшая бестселлером трилогия Джой Адамсон, которую составили повести «Рожденная свободной», «Живущие свободными» и «Вечно свободные», тронула сердца миллионов людей и вызвала к жизни внимание и сострадание к дикой природе Африки.

Сам же Джордж, не искавший громкой славы, неустанно заботился о львах, которым затем возвращал свободу, – за почти тридцатилетний период таковых оказалось двадцать пять. Сегодня потомки этих освобожденных львов странствуют по заповедным землям Кора и Мену – об этих львах, как, например, о Грови, он рассказывал мне с гордостью.

Целью жизни старца была свобода львов. Ему частенько доставалось от иных «природо-защитников», объявлявших его работу ненаучной и лишенной ценности для дела сохранения живой природы. Этим горе-критикам, не обладавшим ни мудростью Джорджа, ни его видением мира, не дано было докопаться до сути его дела. Его работа, не претендовавшая называться научным исследованием, была преисполнена другим колоссальным смыслом – нравственным.

Джордж осуществлял исконное право львов быть свободными. Свобода – будь то отмена рабства в прошлом или борьба за права человека в наши дни – входит в плоть и кровь бытия человека. Задолго до того, как активизировалось движение за права животных, Джордж верил, что свобода изначально присуща всему живому, и верил в свое родство со всем живым. Однажды он написал:

«Если лев свободен только есть, спать и совокупляться, то это не лев. Он должен быть свободным – охотиться и выбирать себе добычу, искать и находить себе пару, обосновываться на своей территории и защищать ее, наконец, умирать, где рожден – посреди дикой природы. Он должен иметь все те права, что и мы».

Еще с детских лет, которые протекли в Нигерии и Малави, я зачитывался книгами и статьями Джорджа и Джой, в которых они рассказывали про свою работу, и впечатление от них было настолько сильным, что они оказали решающее влияние на мою судьбу. Уж так получилось, что я впервые встретился с Джорджем за несколько недель до того, как ему передали львят. Я посетил заповедник Кора в поисках материала для своей второй книги «Там, где бродили львы», повествующей о прошлом величии и-теперешнем плачевном положении этих животных; вообще все, что связано со львами, было в центре моего внимания.

Через два месяца после нашей первой встречи я возвратился в Кора помогать Джорджу в его работе. Естественно, как только я прибыл в его лагерь «Кампи-иа-Симба», первое, что мне захотелось, – взглянуть на троих малышей, чья судьба явилась воплощением сущности философии четы Адамсон. Маленький львенок получил кличку Батиан по горе Мбатиан, близ которой он появился на свет, а две сестрички – Рафики и Фьюрейя, что означает «друг» и «радость» на языке суахили.

Я отправился туда, где содержались львы, и всмотрелся в глубину большой деревянной клетки. Почуввав мое появление, три детеныша повернули головы, но они были еще слишком крохотны, чтобы заметить меня. Они были очень милы, но все же я не мог смотреть на них без грусти. Конечно, в лице Джорджа они обрели самого лучшего приемного отца, какой только возможен, но когда я представлял себе гнездышко в густой траве, где львица выкармливала детенышей и куда она уже больше не вернется, у меня – да и у него – сжималось сердце. Эти три львенка стали, по крайней мере в моих глазах, символом своего преследуемого племени.

Кроме того, чем больше я смотрел на львят, тем больше будоражили меня вопросы относительно их будущего. Львята подрастают быстро, по мере их физического развития усиливаются и их природные инстинкты. Они станут взрослыми львами – членами своего племени, которое теперь, из-за роста людского населения и расширения сферы влияния человека, живет на ограниченном пространстве африканских равнин. Стоя у клетки и глядя на них, я не мог не задуматься об их будущем. Впрочем, до меня дошло, сколь бессмысленны эти размышления – только время способно развеять завесу, окутывающую их будущее.

Теперь я понял, что наполнявший меня тогда страх перед будущим этих детенышей был страхом за все львиное племя. В этот период над дикой природой и людьми Кора, да и всей Кении, нависла угроза, имя которой – «шифта». Сомалийские браконьеры истребляли кенийские стада слонов. Только в одном национальном парке за шесть месяцев было истреблено шестьсот слонов. Последние стада Кора также пали жертвой браконьерских пуль. Жителей Кении вооруженные до зубов банды сомалийцев терроризировали не меньше. В отдаленных уголках страны бандиты грабили пассажиров автобусов, а иногда и убивали их. На второй же день после моего возвращения в Кора в заповеднике попала в засаду машина с егерями – двое были застрелены насмерть, а третьего, выжившего, доставили в лагерь Джорджа с пулей в спине. Да, лихое было времечко и для Кора, и для многих уголков страны.

После инцидента с попавшей в засаду машиной президент Кении Даниэль Арап Мои провозгласил указ, согласно которому незаконно носящее оружие лицо, схваченное вне населенных пунктов и сопротивляющееся аресту, подлежало расстрелу на месте. За последующие месяцы на основании этого указа были уничтожены семьдесят членов «шифты» – все сомалийского происхождения; и в результате национальные парки Кении обрели долгожданный покой.

В этот раз я приехал к Джорджу в Кора на шесть месяцев. Он хотел, чтобы я работал вместе с ним и продолжил работу после него – он хотел знать, что его дело будет продолжено и Кора не заглохнет в будущем. Конечно, Джордж оказывал мне огромную честь; но все же я еще не мог видеть в этом свою судьбу. Пока Кора не получила статус национального парка, нечего было рассчитывать на финансирование проектов по сохранению дикой природы, которые планировали мы с Джорджем. Без этих двух взаимосвязанных факторов получить штатную работу в Кора я не мог.

С тяжелым сердцем я покинул Кора в январе 1989 года, вернулся в Южную Африку и взялся за книгу «Львиное наследие» – книгу о Джордже и в защиту Кора. Я надеялся, что она внесет свой вклад в дело охраны дикой природы этого региона и в дело, которому посвятил себя старец.

В этот период я также планировал возобновить собственные исследования жизни львов в Тули (Ботсвана) – на земле, где шесть лет назад зародилось мое увлечение львами, переросшее в любовь. Я все больше понимал, что обязан и далее доводить до сведения общественности, в каком плачевном состоянии пребывает львиное племя по всему африканскому континенту, и взывать к людскому сочувствию. Вместе с тем мне нужно было сосредоточить усилия на защите отдельно взятой популяции львов, находящейся под угрозой, и взять под охрану отдельно взятую местность. Я планировал вернуться в заросшие кустарником земли Тули и основать фонд, имеющий целью широкомасштабную защиту львов Тули и земель, где они живут. Прошло время, и, параллельно с выдвижением других целей, был основан «Тули Лайон-Траст».

Новости, которые я в то время получал из Кора, были более чем радостными. В одном из выпущенных им бюллетеней новостей, датированном мартом 1989 года, Джордж писал следующее:

«Безопасность в заповеднике поддерживается на высоком уровне; ведутся переговоры об устройстве в заповеднике временного полицейского лагеря. Продолжаются дискуссии на тему придания Кора статуса национального парка, что обеспечит ей стабильность на будущее; как бы

мне хотелось увидеть, как это произойдет. В настоящее время сомалийцев у нас в заповеднике нет, и звери стали заметно менее пугливыми».

Ниже был опубликован снимок, изображающий Джорджа с бокалом в руке и с тремя львятами, присматривающимися к бутылке шампанского в серебряном ведерке. Подпись под ним гласила:

«Этот снимок был сделан в день моего 83 – летия, третьего февраля. Похоже, львятам нравится шампанское».

Заметка заканчивалась так:

«В общем, здесь все идет неплохо – по крайней мере сейчас, и у меня есть все основания верить, что в течение года дела пойдут еще лучше!» Во второй неделе августа 1989 года Джордж получил долгожданную добрую весть о том, что национальный заповедник Кора, о котором он так ревностно пекся в течение девятнадцати лет, был наконец преобразован в национальный парк. Радость почтенного старца не знала границ. Теперь можно было надеяться, что Кора, львы и вообще весь этот регион дикой природы окажутся под более надежной защитой.

Всего несколько дней спустя Джордж Адамсон был застрелен бандитами.

В это время в лагере находилась Инге Ледертейль из Германии, которая регулярно посещала «Кампи-иа-Симба». Весь ужас трагедии разыгрался у нее на глазах.

В ночь накануне гибели Джорджа в лагере, таинственно появилась львица Грови, которой он так гордился, и выводок детенышей. Эти рожденные дикими львы, потомки тех, кого Джордж подготовил к жизни в дикой природе и выпустил, сохранили необъяснимую тягу к Джорджу и время от времени навещали его. С момента, когда Джордж видел их в последний раз, прошло несколько недель.

Инге и сотрудники заповедника видели, как в эту ночь Джордж вышел за ограду и направился к львам, раздавая им в знак своей привязанности куски мяса – это был своего рода ритуал в лагере «Кампи-иа-Симба». Когда львы с довольным рычанием удалились во тьму, Джордж наверняка испытал чувство глубокой гордости за себя.

На следующий день в полдень над лагерем на небольшой высоте пролетел самолет, делая знаки, что идет на посадку. Инге с водителем по имени Битача выехали по направлению к посадочной полосе для встречи самолета и его пассажиров. Вдруг раздались выстрелы, из кустов выскочили бандиты и заставили Битачу остановить машину. Требуя денег, бандиты безжалостно перебили Битаче ноги железным прутом и принялись избивать Инге.

Услышав выстрелы (а может, получив известие от кого-то из егерей), Джордж взял нескольких работников лагеря, автомат и охотничье ружье и помчался на другой машине в направлении посадочной полосы. Увидев машину и окруживших ее бандитов, он, прежде чем броситься в бой, замедлил ход, чтобы оценить обстановку.

Этот отчаянный жест в попытке защитить жизнь стал для Джорджа последним. Ему стреляли в бок, когда он настиг бандитов, и в спину, когда машина остановилась. Вместе с ним погибли двое преданных ему сотрудников.

Трагедия глубоко потрясла многочисленных друзей Джорджа по всему миру, всех тех, кто сочувствовал ему. Его гибель оставила след и в его питомцах, которым к тому времени исполнился год, и в Грови и ее потомстве.

Вот как мне о том писала Инге:

«В субботу днем (этот день будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь!) Рафики убежала из лагеря из-за всей этой пальбы и провела свою первую ночь среди дикой природы. К тому времени, когда егеря доставили погибших и меня обратно в лагерь, там появилась Грови с семейством – всеми пятнадцатью львами. Вот почему, я думаю, Рафики оказалась так напугана, что побоялась вернуться в лагерь». (В прошлом потомство львицы Гроу проявляло агрессивность по отношению к нашим трем львятам.)

Инге немедленно вылетела из Кора на военном вертолете, увозя с собой тело Джорджа. В поиске бандитов было задействовано несколько сот солдат. Через несколько дней один из бандитов был схвачен в деревне Мбала-Мбала, в двадцати милях от Кора.

Около ста солдат разместились и на территории самого лагеря «Кампи-иа-Симба», и три львенка, которых никуда не выпускали из клетки, металась по ней, зовя Джорджа; и так же точно с нетерпением ждали Джорджа птицы, белки, морские свинки – вся его «лагерная семья» ждала, когда же Джордж придет их кормить. Этому ритуалу, который продолжался в течение девятнадцати лет, теперь настал конец.

* * *

Два с половиной месяца спустя я гулял в сопровождении трех счастливых молодых львов – Батиана и его сестричек. Спотыкаясь, брели они среди африканских кустарников. Это было уже не в Кора, но в сотнях миль к югу от нее – в зарослях Тули, в Ботсване. Смерть Джорджа не унесла с собой свободу для троих его питомцев.

Я выхлопотал разрешение многих сторон, в том числе правительств Кении и Ботсваны, отвести в полное распоряжение троих питомцев Джорджа территорию в буше Тули, лежащую на стыке трех стран – Зимбабве, Южной Африки и Ботсваны. Единственной альтернативой, как мне казалось, могло быть только содержание их в неволе. В самом же Кора в обозримом будущем не предвиделось надежды, что кто-то продолжит дело Джорджа по подготовке львов к жизни на воле или вообще так же, как он, будет печься о Кора. Только взяв львов в Ботсвану, я мог попытаться подарить свободу этим сиротам, которых я так любил.

В последующие два с половиной года дело возвращения львов на волю было освоено. Это было время, подарившее много счастья, но знавшее и немало горестных моментов. Проще сказать, время смеха и время слез.

Глава первая. БЫТЬ СВОБОДНЫМИ!

Могучие моторы аэробуса компании «Кениан Эйруэйз» протяжно взревели, и самолет покатился по взлетной полосе аэропорта Джомо Кениата. Как только самолет набрал высоту, у меня отлегло от сердца. Наконец-то я и львы были на пути в Ботсвану. Перевезти трех молодых львов из заповедника в Кении за семь тысяч километров на юг, в заповедник в Ботсване, оказалось не самым легким предприятием.

К счастью, мне удалось не только выхлопотать в Найроби все необходимые разрешения, но и заручиться спонсорской поддержкой при перевозке львов в Ботсвану. «Эльза-Траст» любезно покрыл расходы по перевозке из Кора в Найроби, а авиакомпания «Эйр Ботсвана» вместе с «Кениан Эйруэйз» (эта последняя вскоре стяжала славу «гордости Африки») оплатили мой перелет вместе со львами в Ботсвану.

В это утро вылет рейса KQ – 440 из Найроби в Габороне с посадкой в Хараре задерживался ввиду погрузки троих необычных пассажиров, а именно моих львов в трех прочных деревянных клетках. Я стоял на гудронной полосе и наблюдал за погрузкой, и в какой-то момент мне показалось, что в багажном отделении может не хватить места для всех трех клеток. Вдобавок в самый разгар всей этой возни водитель автопогрузчика свалился прямо в клетку к Батиану и чуть было не опрокинул ее. Львы зарычали, люди кричали бедняге, что ему делать; другие смеялись, обсуждая груз, который полетит в багажном отделении.

Я носился туда-сюда, проверяя, в каком состоянии львы, объясняясь с чиновниками, и в конце беспомощно наблюдал за погрузкой до самого ее окончания. Одна из клеток меня особенно беспокоила – ее просто поставили среди чемоданов и коробок. Тут ко мне подошел служащий компании «Кениан Эйруэйз».

– Посмотри, все о'кей, – сердечно сказал он и добавил уже более строгим тоном: – Ну, теперь садись в самолет – дольше откладывать рейс мы не можем.

В последний раз взглянув на клетки со львами, установленные в багажном отделении, и еще раз раскланявшись с управляющим персоналом, стоявшим на взлетной полосе, я взбежал по ступенькам и, оказавшись в салоне, направился к своему креслу.

Сразу после взлета я почувствовал, что кто-то треплет меня за плечо. Это была сидевшая по другую сторону прохода темноволосая немолодая дама в костюме «сафари» цвета хаки.

– Вы не знаете, чем вызвана задержка? – спросила она с акцентом, характерным для южных штатов.

– Да были проблемы с погрузкой моих львов, – просто ответил я.

– Львов?! – воскликнула она, и несколько голов повернулись в нашу сторону. – Как же нам никто ничего не сказал! Нельзя же возить львов в самолете вместе с людьми! Это, должно быть, против международных правил!

Тут погасла надпись «Не курить». Я лихорадочно зажег сигарету и сказал шепотом:

– Все нормально. Они же не с нами в салоне. Они в прочных клетках в багажном отделении.

– А если они вырвутся? – фыркнула она и отвернулась.

У меня не нашлось для нее ответа – во всяком случае такого, который удовлетворил бы ее. Я развалился в своем кресле и задумался. «Да, в Америке у меня бы этот номер не прошел», – предположил я.

По пути в столицу Ботсваны Габороне самолет совершал посадку в Хараре, Зимбабве. Когда самолет сел и вырुлил на стоянку, я спросил стюардессу, могу ли я, пока мы не взлетели, осмотреть своих львов. Она ответила, что проблем не будет.

Я мигом соскочил по ступенькам трапа на взлетную полосу и направился под брюхом самолета туда, где из его нутра выгружался багаж с назначением в Хараре. Я обратился к

одному из работников, объясняя, что там у меня в багажном отделении клетки со львами и что я желал бы их осмотреть. Он покачал головой, дав понять, что недопонял.

– Шумба! Шумба! («Лев» на языке сивдебеле) – крикнул я, чтобы подчеркнуть значимость сказанного.

Разгрузка внезапно прервалась, и меня пригласили лично освидетельствовать львов, по-прежнему ли они находятся в безопасности. Я взобрался в багажное отделение и направился к трем клеткам. Львята, по-видимому, смирившиеся с обстоятельствами, смиренхонько лежали, глядя на меня своими немигающими янтарными глазами. Я ласково позвал их, а сам думал: как же я буду счастлив, когда путешествие закончится! Вернувшись, я заверил работников, что клетки целы и в безопасности, и принялся сам помогать разгружать адресованный в Хараре багаж, которым клетки со львами были заставлены со всех сторон.

Когда самолет наконец приземлился в Габороне, я вздохнул с облегчением и счастлив был увидеть знакомые лица друзей, ожидавших меня на посадочной полосе. И среди них была моя подруга Джулия Дэвидсон с широкой счастливой улыбкой на лице. Когда львы были благополучно выгружены, она вздохнула с тем же облегчением, что и я. В последние две с половиной недели я регулярно звонил ей из Ботсваны, разясняя свои накопившиеся проблемы, неудачи, причины изменения даты вылета. В какой-то момент Джулии даже подумалось, что я так и не долечу до Ботсваны.

Перед погрузкой на грузовик для 550 – километрового путешествия на северо-восток, к бушам Тули, львам дали отдохнуть полтора дня в небольшом частном заповеднике в окрестностях Габороне. Их поместили в большой, огражденный забором загон. Изголодавшиеся Батиан, Фьюрейя и Рафики с жадностью набросились на мясо, которым щедро оделил их владелец заповедника Джимми Каннемайер, и провели большую часть времени, растянувшись в тени кустарников. Полет они перенесли хорошо. Теперь остался дальний переезд на грузовике – и вот они снова в родной стихии.

На следующий вечер, в третий и последний раз за время путешествия, львов поместили в клетки. Бригада людей Джимми погрузила их в большой грузовик – и в путь: ехать нужно было ночью, чтобы избежать ботсванской летней жары.

Но когда мы с Джулией уже готовы были пуститься в путь, выяснилось, что у грузовика полетело сцепление. Пока мой друг Элан Джордан, прирожденный механик «золотые руки», возился под машиной, гремя ключами, я ерзал все больше и больше – время-то уходило! Наконец из-под машины показались голова и перепачканные руки Элана:

– Ну, теперь все в порядке, Гарет.

Его слова несколько успокоили меня, но при мысли о возможности попасть в автокатастрофу ночью, за много миль от места назначения, да еще с тремя львами в кузове, у меня екало сердце.

И вот мы тронулись в путь и взяли курс на север. Поначалу наш путь лежал по улицам Габороне. Чиновник из компании по найму грузового транспорта, где мы взяли грузовик с шофером по имени Сонни, рекомендовал нам его как опытного и умелого в ночной езде.

Как ни странно, мы без всяких проблем прошли ветеринарные и полицейские посты на пустынной дороге: новость о прибытии в Ботсвану львов несколько раз передавалась в этот день по местному радио. Всякий раз, когда нам задавали вопрос, что мы везем, на наш необычный ответ полицейские и ветеринарные службы неизменно отвечали:

– Да, да, мы слышали по радио. Проезжайте.

Но около часа ночи, когда мы находились в пути уже три часа, неожиданно возникла проблема. Взглянув на Сонни, я увидел во мраке кабины, что его глаза слипаются. Я посчитал за лучшее самому сесть за руль, с чем он охотно согласился. Джулия встревожилась, но виду не подавала: она знала, как я был измотан, но ей было известно не хуже, как важно было достичь цели до восхода солнца.

К счастью, дорога была пустынной, и я быстро освоился с тяжелой машиной, ее тормозами и коробкой передач. Сонни блаженно дрыхнул в кабине, львы – в кузове. Джулия, сидевшая между мной и Сонни, была очень взволнованна и, пока я сидел за рулем, не спускала с меня глаз, опасаясь, как бы и меня не сморила дремота. Впоследствии мы с Сонни садились за руль по очереди, а за час до восхода съехали на обочину, решив хоть немножечко поспать. Джулия и Сонни остались в кабине, а я полез спать в кузов ко львам, предварительно осмотрев клетки.

Наконец после шестнадцатичасового пути мы прибыли к обнесенному оградой лагерю на северо-востоке Тули. Это был небольшой, бесхитростный лагерь, который нам построила для осуществления нашего проекта охотничья станция Тули-сафари, с самого начала оказывавшая нам спонсорскую поддержку. Впоследствии мы назвали этот лагерь «Тавана»– «Львенок».

Путешествие подошло к концу. С помощью работников лагеря, а также поджидавших нас зевак мы выгрузили клетки и отнесли в отведенный для львят загон. Под шелканье фотоаппаратов и жужжание кинокамер – срочно в номер или в выпуск новостей! – я торжественно выпустил Батиана, Фьюрейю и Рафики из клеток.

Фьюрейя, чей независимый характер становился мне все более очевидным, бесстрашно выступила из клетки, сверкая глазами. Напротив, Рафики вышла из клетки с опаской – опять-таки сказала ее натура! – с опущенной головой, настороженным взглядом и явно ища у меня поддержки. Бедняга Батиан, которого в пути пришлось накачать транквилизаторами, еще не успел оправиться от их воздействия, и потому движения его были вялыми. Когда я выпустил его из клетки, он вышел, стараясь выглядеть как можно игривее, но координация движений у него была нарушена, и при взгляде на него у меня сжалось сердце. Я поговорил со всеми тремя ласковым, успокаивающим тоном и, поставив перед каждым из них миску с водой, уговорил попить.

Бригада новостей, приглашенная в лагерь нашим спонсором, засняла эти сцены, а затем, когда я роздал львам по куску мяса, стала брать у меня интервью перед камерой. Оно уже закончилось, а на меня еще продолжали сыпаться вопросы; между тем я чувствовал себя ничуть не лучше Батиана – дальняя дорога притупила мою способность соображать, а к чувству облегчения примешивалось и ощущение беспокойства.

Где-то спустя час доброжелатели, журналисты и сотрудники лагеря наконец-то покинули нас, оставив нас с Джулией и львов в покое и тишине нашего нового дома. И именно теперь, когда умолк весь этот шум и гам, я почувствовал такую измотанность, что у меня ныло все тело.

Вечером, собираясь спать, я поставил раскладушку возле загона со львами, чтобы быть с ними рядом. Все трое, довольные жизнью, лежали вместе, причем каждый касался другого лапой или хвостом. Моя раскладушка стояла на расстоянии вытянутой руки от них.

Меня переполняли усталость и одновременно радость. Я готов был плакать от счастья, что далекое путешествие львов закончилось и впереди у них было новое будущее. Это было напряженное время. Гибель Джорджа по-прежнему не давала мне покоя, равно как и его последнее желание: «Я хочу, чтобы эти львята были свободны».

* * *

Как же готовить львов к жизни в дикой природе? У меня не было длительного опыта этой работы. Кое-чему я научился от Джорджа, когда помогал ему в работе с львятами, но это все. Теория подготовки крупных хищников к жизни в дикой природе никогда не была сформулирована на бумаге^{note 1}, прежде всего потому, что этим занималось слишком мало людей. Приходится сожалеть о том, что зоологи не собрали изыскания Джорджа и его понимание процесса подготовки львов к жизни на воле воедино в виде брошюры или статьи. У меня было

очень мало руководящих указаний, которым можно, было бы следовать, если не считать весьма общей информации, которую я почерпнул из книг Джорджа и Джой.

Тогда я сам сформулировал три важнейших принципа:

1. Знакомить львов с новой средой, давая им возможность освоиться на этой территории и обеспечить себе безопасность.

2. Предоставлять львам любую возможность охотиться, создавая ситуацию, при которых они могли бы развивать присущие им врожденные навыки охоты.

3. Поддерживать взаимное и глубокое доверие между львами и мной, но при этом доводить до минимума их контакты с другими людьми, с надеждой, что в перспективе они будут смотреть на человека теми же глазами, что и дикие львы.

В первые шесть месяцев я вставал до рассвета, готовясь провести со львами в дикой природе большую часть дня. Пока я быстро одевался, выпивал чашку чаю и брал ружье, флягу, блокнот и фотоаппарат, львы уже в нетерпении подвывали в своем загоне. Тогда я подходил к воротам загона и отворял их. Все трое выскакивали, радостно постанывая, и терлись об меня; впрочем, Батиан уже перестал тереться своей рыжевато-коричневой головой об мою.

Львы переполнялись заразительным чувством веселья и волнения. Я махал на прощанье Джулии, которая каждое утро наблюдала за всем происходящим из-за двенадцатифутового забора, окружавшего лагерь, а трое львят – которым было теперь пятнадцать месяцев от роду и каждый весил шестьдесят – семьдесят килограммов – прыгали на меня и бегали вокруг, заигрывая друг с другом.

Часто Джулии приходилось ждать нас по восемь – двенадцать часов, когда мы все четверо возвращались домой, усталые, истомленные голодом и жаждой. Каждое утро мы со львами уходили охотиться и исследовать местность, никогда не зная, какие ситуации могут возникнуть. Вдруг у них будет слишком мало добычи? Или мы встретим слонов? А что, если Батиан опять чуть не наступит на ядовитую гадюку?

Я не учил львов охотиться – это было у них в крови, – но заметив, скажем, стадо антилоп, я подводил их к нему. Львы быстро сообразили, что, когда я припадаю к земле, значит, впереди что-то есть. Тогда они осторожно ползли вперед, пока не замечали то, что увидел я.

Прошли недели, и теперь уже они чаще указывали мне, опустив голову, что учуяли добычу и собираются напасть. Впрочем, должен признаться, что один раз мне пришлось взять обеими руками за голову невнимательного Батиана и повернуть ее в сторону кормившейся неподалеку импалы, чтобы он обратил на нее внимание. Только после этого он изготавился к охоте.

Первые два животных, добытых львятами, показали мне пример, как нужно помогать львам учиться охотиться. Читатель потрясен? Мое поведение покажется ему слишком жестоким? Но ведь в дикой природе происходит так: львица-мать, поймав, например, детеныша антилопы, сначала показывает его своим детям. Те играют с ним, как кошка с мышью, пока он живой, и затем убивают. Так предопределено законами природы, и по тем же соображениям я показывал львятам ситуации, из которых они набирались опыта. Именно эти приобретенные знания помогут им в будущем обеспечивать пищу самих себя.

Первым зверем, ставшим добычей моих львов, стала генетта – пятнистый зверь из семейства мангустов размером с домашнюю кошку и с лисьей мордой. Как-то вечером, возвращаясь со львами в лагерь, я увидел, как из дупла старого ствола дерева торчит золотой с черным хвост. Когда я приблизился к дуплу, хвост медленно втянулся внутрь. Это движение привлекло внимание Рафики. Она обнюхала дыру и поскребла ствол лапой, в то время как Батиан и Фьюрейя осторожно приближались, охваченные любопытством. Я постучал по стволу палкой. Вдруг из дупла выскочил какой-то зверек и пустился в бегство. Началась охота – львы пустились в погоню за генеттой, я – за львами.

Как ни странно, генетта была поймана не одной из более проворных сестричек, а Батианом. Он не убил ее на месте, а, зажав сопротивляющегося зверька своими уже могучими когтями, поднес поближе к своей морде и пристально всмотрелся в него. Никогда не забуду охватившего его удивления, а может быть, и раздражения, когда неожиданно генетта сделала выпад вперед и укусила Батиана за нос, а затем снова отважно впиалась ему в морду своими маленькими, острыми как бритва зубами. Тут подскочили Рафики и Фьюрейя; зарывав на них, отгоняя от своей добычи, Батиан мигом прокусил генетте брюхо. Долго мучиться ей не пришлось.

После того как Батиан наигрался с убитой им генеттой, ее, в свою очередь, освидетельствовали львицы – обнюхивая и вертя в лапах небольшую тушку, они гримасничали. Когда я наблюдал за всем этим, чувство гордости за своих подопечных у меня смешивалось с чувством горечи по поводу генетты, с таким мужеством встретившей столь огромного противника. Это смешанное чувство я многократно испытывал в подобных случаях в последующие несколько месяцев. Если бы я не постучал палкой, генетта, возможно, и не покинула бы своего безопасного укрытия. При всем том, что я был горд за Батиана, я не смог рассказать об этом случае Джулии сразу по возвращении в лагерь: подобные инциденты пробуждали во мне противоречивые чувства.

Второй зверь тоже был добыт ими отчасти с моей подачи. Через несколько дней после случая с генеттой я вел львов в направлении стада импал, кормившегося вблизи стаи павианов. Я знал, что, как бы мы ни осторожничали, подкрасться к импалам незамеченными будет невозможно: бдительные павианы непременно поднимут такой лай и скандал, что выдадут наше присутствие.

Так и случилось. Когда мы приблизились, павианы подняли шум и гам. Импалы встревожились, заметили нас, и стадо бросилось наутек. Затем и павианы, к моему удивлению, неспешной трусцой поскакали в долину. Тут во львах, возбужденных шумом обезьян, разыгралась охотничья кровь – они пустились за обезьянами в погоню, на минуту позабыв про все охотничьи тонкости и уловки.

Я устремился вслед за львами и вдруг услышал впереди себя на близком расстоянии громкое рычание одного из них и крик павиана. Через несколько минут я увидел Рафики, стоящую на задних лапах под деревом и взирающую ввысь. На ветках сидела крупная немолодая павианиха – она побывала в когтях и зубах Рафики, и ей едва удалось вырваться.

Когда появился я, Рафики повернулась и кинулась ко мне. Я погладил ее по голове и тут же услышал, а затем и увидел, что павианиха слезает с дерева, чтобы удрать. Как только она оказалась на земле, Рафики бросилась за ней, и я потерял их из виду в густых кустарниках – до меня доносились лишь рычание и вопли. Я побежал на эти крики и увидел, как павианиха, страдая от невыносимой боли, медленно ползла к группе деревьев, преследуемая Рафики. Я заметил, что павианиха была покусана в задние ноги и живот.

Меня удивило, как, несмотря на столь жестокие раны, павианиха, как когда-то генетта, повернулась к Рафики и предприняла дерзостную попытку броситься на нее, обнажив свои острые зубы. Рафики одним прыжком отскочила в сторону. Тут павианиха заметила мое присутствие и повернулась с тем же жестом ко мне. Я тоже отступил, и отнюдь не из любезности к Рафики – раненый и разъяренный павиан представляет собой жуткое зрелище, и я знал, сколь страшное оружие его зубы: бывали случаи, когда павианы рвали на части атаковавших их собак.

Павианиха снова медленно взобралась на дерево и, подтянувшись, тяжело осела на ветвях. Рафики встала на задние лапы, все больше нагоняя страху на слабеющую жертву. После, увидев, что Рафики теряет интерес к обезьяне, я пристрелил ее, мотивируя свои действия тем, что пусть лучше умрет мгновенной, чем медленной и мучительной смертью. Зато тушка обезьяны послужит львам ознаменованием удачной, успешной охоты.

Как только обезьяна рухнула на землю, Рафики подскочила к ней и инстинктивно вцепилась в нижнюю часть позвоночника – этот рывок был чем-то вроде «выстрела милосердия».

Тут, тяжело дыша, подбежали Батиан и Фьюрейя – очевидно, вернувшись после преследования остального стада. Заметив братишку и сестренку, Рафики тут же схватила павианиху за шею и оттащила в кусты. Ее приглушенное рычание явно давало понять брату и сестре, что делить с ними добычу она вовсе не собиралась. Затем она принялась инстинктивно терзать покрытую длинной шерстью шкуру павианихи – это продолжалось сорок пять минут, после чего она приступила к еде. Я сидел рядом и наблюдал за ней, и вдруг Рафики неожиданно бросила добычу, оставив долю Батиану.

Павианы отнюдь не являются излюбленной добычей львов. Но коль скоро возникла такая ситуация, я быстро сообразил, что мои подопечные будут использовать любую возможность поохотиться за павианом, тогда как я рассматривал сегодняшнюю добычу лишь как практическое занятие. Но в ряде случаев, когда мои львы добывали павианов, они обгладывали их до костей.

Инцидент с обезьяной напомнил мне случай, свидетелем которого я когда-то стал в Тули: три львицы подстрекали к атаке на павианов своих подросших детенышей. И в этом случае львицы инспирировали нападение исключительно с целью дать урок своему потомству. Когда львицы с детенышами настигли стадо и окружили его, взрослые мамы отошли в сторону, дав возможность своим чадам вырваться вперед и атаковать.

В результате львята убили четырех детенышей павианов, но, в свою очередь, были здорово напуганы вернувшимися взрослыми павианами. Те отогнали их от невысоких деревьев, на которых гроздьями повисли самки и детеныши. Как только львята отступили, пленники попрыгали с деревьев и кустарников и скрылись в подлеске.

Еще одним животным, которого мои львы часто преследовали в эти первые недели, оказался варан. В заповеднике водятся два вида этих крупных ящериц – нильский варан, любящий воду, и скальный варан, который попадался львятам чаще всего. Взрослые особи достигают полутора метров в длину и, если к ним приблизиться, могут здорово огреть хвостом. Охота на этих ящериц велась лишь как практическое занятие – я ни разу не видел, чтобы мои львята пытались их есть.

Как-то вечером дорогу моим львятам перебежал варан, который затем залез на небольшое дерево. Подпрыгнув, Фьюрейя стащила его с ветки. Как только ящерица оказалась на земле, к ней подскочила Рафики и впилась в нижнюю часть позвоночника. Все трое сцепились не на шутку, и тут варану удалось отомстить противнику. Рафики взяла голову варана в пасть, а тот немедленно схватил ее зубами за язык. Она пыталась тащить ящерицу за тело, но та держала мертвой хваткой, причиняя невыносимую боль. Я же наблюдал, как Рафики высовывала язык, с которого, покачиваясь, свисал варан, а затем втягивала его, и треть варана исчезала в ее пасти.

Напуганная львица пыталась громко рычать, но из-за того, что в пасти у нее находился варан, издавала странные, никогда не слышанные мной звуки. Потрясенные таким рычанием Фьюрейя и Батиан оглядывались, думая, что сюда забрели чужие львы; Батиан даже отскочил в сторону посмотреть. Прошло еще пять минут, прежде чем Рафики удалось освободить от варана свой кровоточащий язык. Оставив ящерицу на земле, она тут же отбежала и заковыляла к воде, где находилась Фьюрейя. Батиан почему-то вернулся к ящерице, схватил ее и отнес к воде. Бросив ее там, Батиан попил и оставил рептилию в покое.

В другом случае от варана здорово досталось всем троим. Когда мои львы окружили эту ящерицу, она приобрела необычно угрожающий вид. В ответ на попытки хватать ее лапами ящерица била противников хвостом, как кнутом, а дальше началось такое, чего я прежде никогда не замечал за варанами. Метровая ящерица прыгала вперед-назад, разинув рот, и кусала львов за лапы и за морды. Поведение ящерицы настолько потрясло их, что начались стычки и между ними самими. Когда кто-нибудь из них задевал мой ботинок или приклад ружья, он

отскакивал в сторону, думая, что это ящерица. Конфронтация продолжалась минут двадцать, пока пробегающее стадо зебр не отвлекло внимание львов, и тогда варан был отпущен с миром.

Еще одним необычным существом, на которое мои львята были не прочь поохотиться, оказалась черепаха. Я не раз видел, как то один, то другой из них принимал охотничью позу, опуская голову. Я, конечно, вглядывался вперед, чтобы увидеть, какую же добычу они учуяли. Лев неизменно полз вперед, затем рывок – и вот он замер на одном месте. «Очередная черепаха», – думал я.

Львы пытались обгладывать, а иногда и прокусывали твердый черепаший панцирь. Иногда львы заигрывали с черепахой, глубоко убиравшей голову в панцирь, а затем, если что-то их отвлекало или они теряли интерес, отпускали. Многие оставались после этого совершенно невредимыми, если не считать нескольких царапин на панцире.

Шагая дальше, я представлял себе этот инцидент с точки зрения черепахи. Ползет себе, одной ей ведомо куда; голова всего в какой-нибудь паре дюймов над каменной почвой. Вдруг на нее налетает черная тень, и, едва черепаха убирает голову и лапы под крышу панциря, кто-то наваливается со страшной силой. Спрятавшись под панцирем, она чувствует, как кто-то тащит ее за ноги, бесцеремонно волочит по земле и переворачивает на спину. Проходят минуты, и черепаха, необъяснимо как, оказывается в нормальном положении и оставлена в покое. Тогда она осторожно высовывает голову, затем ноги и оглядывается вокруг. Убедившись, что опасности нет, она снова пускается в путь. Поскольку черепаший век долог, такое в их жизни случается, вероятно, не раз. Представьте же себе, как такая много повидавшая на своем веку черепаха бурчит, словно почтенный прадедушка на расшалившихся правнуков: «Ах вы, львята, такие-сякие, холеры на вас нету!» – и продолжает свой путь.

Эти первые дни походов со львами по Тули стали хорошей школой не только для Батиана, Фьюрейи и Рафики, но и для меня самого. Будучи, как человек, в привилегированном положении по сравнению с несмышлениками в дикой природе, я становился свидетелем уникальных случаев взаимоотношений между львами и их добычей, а также узнал о многих аспектах поведения львов.

Когда жара становилась невыносимой, мы со львами устраивались на отдых, где только находили тень. В течение этих нескольких самых жарких часов я вел записи, занося в блокнот свои наблюдения за «возвращением львов в родную стихию». Однажды, когда я вот так же лежал бок о бок со львами в тени и вел свои записи, произошел довольно забавный случай со слоном...

Мы четверо – я и трое львов – отдыхали в тени большого дерева. Рядом находилась впадина, недавно заполнившаяся свежей дождевой водой. Когда я перевернул страничку, я заметил, что Фьюрейя, которая находилась по соседству со мной, медленно перевернулась на спину с таким ленивым блаженством, как это, по-моему, свойственно только львам. Задрав лапы кверху, она выставила на обозрение свое белое пузо. Внезапно ее расслабленное состояние сменилось напряженным, и она тревожно вытянула голову в направлении впадины с водой. Одним движением она вскочила на все четыре лапы и замерла, напряженно всматриваясь вперед. Ее поведение встревожило Батиана и Рафики, проснувшихся, как по команде.

Там, у впадины с водой, в менее чем четырнадцати метрах от нас, неподвижно стоял молодой слон-самец. Казалось невероятным, что слон подошел так близко. Я ничего не слышал, когда он приближался, – слоны умеют так тихо пробираться сквозь африканские кустарники, что некоторые местные племена прозвали их «серыми духами».

Сидеть под деревом, уставясь на слона, было не очень-то уютно. Моя реакция была моментальной, инстинктивной и продиктована мотивом самосохранения – я дал стрекача. Блокнот выпал у меня из рук, и налетевший ветер подхватил оторванные странички, как большие конфетти. Добежав до небольшого ручейка, я остановился и оглянулся. Батиан, побежавший вслед за мной, остановился рядом и глядел на слона. Рафики находилась между слоном

и Фьюрейсей, которая стояла неподвижно там, где всего каких-нибудь несколько секунд назад мы мирно отдыхали.

Я чертыхнулся про себя и тут же увидел, как Фьюрейя принимает охотничью стойку. Несмышленной львице, конечно же, не удалось бы совладать с четырехтонным великаном – я представил себе, как слон одним ударом хобота размазывает ее, неискушенную в слоновьих повадках, о ствол дерева. Рафики стала подражать сестре; Батиан предпочел роль наблюдающего, как и я. Мы оба хранили бдительность, никто из нас не рвался, как львицы, на столь рискованную охоту.

Вмешаться я не мог никак. Львицы медленно крались вперед, хоронясь за стволами и кустами. Впрочем, слон не обратил особого внимания на наше присутствие – он просто поднял в воздух хобот, пытаясь уловить наш запах. Львицы подкрадывались все ближе и ближе, и вдруг случилось неожиданное: издав протяжный трубный звук на высокой ноте, слон повернулся и обратился в бегство. Когда смотришь на бегущего слона сзади, кажется, будто кто-то бежит в старых, жеваных серых штанах на десять размеров больше требуемого.

Фьюрейя и Рафики устремились в погоню. Я вышел из тени и всласть позабавился, наблюдая за тем, как Батиан спешно пытался догнать сестричек, с энтузиазмом присоединившись к погоне за удирающим слоном.

Итак, я остался один. Звуки ломающихся под ногами слона кустов постепенно отдалялись, а вскоре вовсе затихли. В ожидании возвращения львов с охоты я принялся собирать разбросанные ветром листья блокнота; вскоре, тяжело дыша, подбежали все три моих питомца. С жадностью напившись из впадины с водой, они радостно приветствовали меня. Очевидно, погоня за слоном доставила им немало удовольствия. Прежде чем возвращаться в лагерь, я дал львам немного отдохнуть, а сам пустился на поиски единственной пропавшей странички, но так и не нашел.

Наше возвращение в лагерь в этот вечер было таким же, как и во многие другие вечера в первые месяцы моего пребывания в Тули. Я открывал ворота, чтобы запустить львов в загон, и при этом всегда приходилось дожидаться Батиана, который шел последним. Затем я звал Джулию, которая обычно возилась на кухне; мы давали львам воды и, прежде чем приступить к их кормлению, обсуждали с Джулией все, что произошло за день.

После этого из старого газового морозильника, принадлежавшего единственному штатному сотруднику лагеря «Тавана», почтенному Джону Кноксу, вынималось мясо. Характер у Джона был хоть и жуликоватый, но при всем том очень обаятельный, и поэтому жаль, что он долго у нас не задержался. Причиной тому стала его невиданно грузная и чудовищно властная супружница. Однажды, после длительного пребывания за пределами юга Африки, она как снег на голову явилась в лагерь и напустилась на своего благоверного со скандалом, что он-де завел себе в нашем лагере кучу девок в ее отсутствие. Это была чистейшая ложь, но, по настоянию жены, он оставил службу в нашем лагере. Нам было жаль, что он от нас уходит, – так мы привязались к нему. Да, по-моему, и львы его любили – особенно когда он в вечерний час приближался к загону с ведрами, полными кусков мяса. В то время мои львы еще были в контакте с другими людьми. Вместе с тем я полагал разумным сокращать эти контакты с каждым месяцем, но сохранить их дружбу с Джоном, если бы тот у нас остался.

В эти вечера мне стало ясно, что мне не следует на их глазах сидеть или стоять возле Джулии. Видя меня рядом с Джулией, они приходили в возбуждение и принимались расхаживать взад-вперед по загону. Они явно боялись, что Джулия займет их место в моем сердце. Тогда я оставлял Джулию и шел к львам успокоить их. Но, как ни странно, когда мне удавалось успокоить львов, кто-нибудь из них, чаще всего Рафики, вцеплялся мне в руку зубами, и при этом не за рукав, а за кожу. Правда, они никогда не кусали больно и уж тем более не прокусывали руку до крови, но этим жестом они показывали, как они привязаны ко мне и как ревнуют.

Пока Джон был с нами, он, по-видимому, очень гордился своей ролью «львиного» человека, как его прозвало местное население. К тому же создавалось впечатление, что истории, которые он рассказывал о своей работе, обрастали такими приукрашиваниями и домыслами (особенно под воздействием алкогольных напитков), что потом передавались из уст в уста как легенды. Джон уже давно не работал с нами, а люди, работавшие в других лагерях заповедника, все приходили к нам и спрашивали, правда ли, что Джон бесстрашно ходил среди львов, обучал их охоте на импала, как охотничьих собак?

Впрочем, как раз перед тем, как супружница Джона забрала его от нас, произошел случай, наглядно продемонстрировавший нам, что Джон отнюдь не чувствовал себя в полной безопасности в лагере, как мы думали раньше. Ближе к вечеру мы с Джоном вместе работали в лагере, а Джулия должна была уйти из лагеря на ночь. В этот день я оставил львов одних, чтобы они вернулись в лагерь сами. Когда мы с Джоном вчерне заканчивали сооружение нашей лагерной «конторы» из обрезков досок, я услышал за оградой лагеря завывание вернувшихся львов. Я отправился к воротам, а Джон стал наблюдать изнутри.

Я наклонился, чтобы погладить Фьюрейю (Рафики была рядом со мной, а где Батиан, я поначалу не поинтересовался), как вдруг на меня обрушилось что-то массивное. Я растянулся на земле и отполз на три-четыре метра. Оказывается, это Батиан, которого я проигнорировал, обрушился на меня всей своей восьмидесятикилограммовой тушей.

Оказавшись в грязи, я подумал, что мне сразу же нужно встать, иначе львы набросятся на меня всем скопом. Но как только я поднял глаза, мои страхи рассеялись. Рафики и Фьюрейя терлись друг о друга головами, а Батиан приблизился ко мне со спокойным и дружеским видом. Я встал, опершись на Батианову спину. Теперь все мои мысли были о Джоне. Я взглянул и увидел, что он стоит с выражением ужаса на лице.

Страхнув землю со спины и дождавшись, пока восстановится нормальный ритм моего сердца, я направился к Джону и принялся уверять его, что со мной все в порядке и что Батиан вовсе не собирался нападать на меня, а всего лишь чересчур бурно выразил свою радость.

Но это не успокоило Джона. Он сказал:

– Я был так напуган. Я думал, что ты погиб, что тебе конец. Что лев сразил тебя насмерть! Я был тронут и повторил, что все в порядке.

Но Джон продолжал говорить, давая понять, что имел в виду совсем другое:

– Нет, нет. Я беспокоился, потому что, если бы ты погиб, мне пришлось бы целую ночь провести одному в лагере. Я даже не мог бы уйти – Джулия вернется только завтра.

Оба мы расхохотались, хотя каждый по своей причине. Подход Джона был прагматичным, и знаете, в этом что-то было. С его точки зрения, если бы я был убит, я был бы убит, и ничего от этого не изменилось бы. Но ему-то, оставшемуся в живых, пришлось бы провести эту ночь в одиночестве.

Впрочем, случай с Батианом был единственным, когда я оказался в потенциально угрожающей ситуации. Когда меня спрашивают, как это я столько работаю со львами и до сих пор цел и невредим, я отвечаю: «Если бы я пострадал, то почти наверняка из-за собственных неверных действий или жестов».

Тем не менее инцидент послужил мне уроком. Теперь я твердо зарубил на носу: прежде чем ласкать львиц, нужно сперва выяснить, где Батиан. Но была вот еще какая проблема: готовя их к жизни на воле, их следовало отучить прыгать на меня. Я стал кричать на них, а то и пускал в ход палку, и быстро отучил львов от этой привычки, хотя Рафики изредка делает это и по сей день – это бывало, когда мы долго не видели друг друга или когда Рафики была чем-то взволнована и нуждалась в психологической поддержке.

Глава вторая. ИСТОРИЯ СЭЛМОНА, РАССКАЗАННАЯ ИМ В ТУЛИ

*Как можете вы покупать и продавать
небо и теплоту земли?.. Если свежест
ветра и отблески лучей солнца в воде вам
не принадлежат, как можете вы покупать
их?*

*Слова вождя индейцев Сизтла, обращенные к американцам,
вознамерившимся купить землю у индейцев*

Заросшие кустарником земли Тули, где львы справили новоселье, – не национальный парк, а просто территория в тысячу двести квадратных километров, частью расположенная в Ботсване, частью в Зимбабве. На ботсванской части находятся частные заповедники белых южноафриканцев, которые, как правило, редко там бывают. Зимбабвийская же часть Тули – это район сафари, контролируемой охоты, находящаяся во владении государства и в ведении Департамента охраны природы. К счастью, обе эти территории не разгорожены никакими заборами, так что дикие звери вольны свободно перемещаться по всей территории.

Земля Тули сурова, но прекрасна. Она напоминает о всей прекрасной в своей дикости земле, еще не испорченной человеческим прогрессом, техникой и цивилизацией. Описывая Тули и окружающие эту страну земли, ее историю, трудности, с которыми она сталкивается, я часто вспоминаю разговор с одним почтенным темнокожим африканцем по имени Сэлмон Маомо, уроженцем Тули. Он имеет южноафриканское гражданство и сейчас работает на заброшенной ферме, расположенной тут же, на границе, на берегу реки Лимпопо. Его глаза, теперь уже большие, видели величайшие события века и огромные перемены, ворвавшиеся в жизнь этого уголка Африки. Он видел, что утрачено и что сохранилось.

Мой разговор с почтенным Сэлмоном состоялся под огромным деревом машату на берегу пересохшей реки Лимпопо. Почему она пересохла – отдельная история. С нее и начнем.

В тот день я спросил Сэлмона, какой была Лимпопо в годы его молодости. Мой собеседник ответил сурово, как бы разозлившись на что-то:

– Полноводной.

Теперь одна из самых легендарных рек Африки уже не несет, как прежде, вольные воды. Русло хоть и существует, но большую часть года теряется среди песков. С наступлением летних дождей (если их выпадает достаточно) река поднимается и бурлит мутной водой, но вскоре поток замедляет свой бег и пересыхает.

Расход воды Лимпопо катастрофически увеличился за последние двадцать лет. В верховьях воду удерживают плотины; южноафриканские фермы, машины и насосы над скважинами выкачивают воду из почвы для сельскохозяйственных надобностей. Река умирает, а вместе с ней и кустарники по ее берегам. Деревья буквально гибнут от жажды.

Если бы орлу воспарить над тем местом, где мы беседовали со старцем Сэлмоном, с высоты ему бросился бы в глаза контраст двух берегов пересохшей реки. Со стороны Тули – заросшие диким кустарником земли; берега реки окаймлены темно-зеленым пологом деревьев (и серые пятна в тех местах, где деревья погибли). Конические прибрежные деревья переходят в заросли веретенообразных акаций, а те – в открытые равнины. По мере полета над бывшей долиной Лимпопо орлиному глазу открылись бы иссохшие русла, с высоты похожие на растопыренные пальцы, обращенные к югу в Страну Лимпопо. К северу же, там, где эти русла берут истоки, лежит водосборная территория этой великой африканской реки, но вода оживает ее только в сезон дождей. Осенью же земля приобретает красновато-коричневый оттенок

– красной делается почва, красными становятся слоны, повалившись в пыли, оранжевый цвет приобретают листья деревьев, как, например, мопана и миррового дерева.

С южной стороны Лимпопо взгляду царя птиц открылся бы совсем другой пейзаж. По границе между Южной Африкой и Ботсваной исчезают полосы кустарников, подобные тем, что в Тули. Взамен – широкие зеленые поля, ограды, поселки сельскохозяйственных рабочих. На север, в направлении границы, бежит прямое гудроновое шоссе; в него вливается другое, пересекающее регион с востока на запад.

К югу располагаются совсем другие хозяйства – охотничьи. Там, на небольших, разгороженных заборами участках земли содержится фауна. Начиная с апреля, с открытием охотничьего сезона, то там, то здесь гремит пальба – это городские охотники утоляют свою жажду крови. Здесь дичь не может передвигаться свободно, как в прежние времена, – она обречена доживать свой век на этих экологически безжизненных (но приносящих, с экономической точки зрения, неплохой доход их владельцам) участках земли. Диких животных сюда попросту привозят и продают как домашний скот. Антилоп с огромными глазами грузят на машины и везут в охотничьи хозяйства; будучи выгруженной на месте, она вроде снова чувствует себя на свободе, но – за забором; жалкая пародия на родную дикую природу!

А в уголке орлиного обзора, словно серый крейсер среди недвижных волн лазурного горизонта, с южной стороны откроются огромные алмазные разработки. На гигантской площади вокруг них компания «Де Бирс» скупил множество охотничьих хозяйств, за свой счет снесла разгораживающие их заборы и устраивает там большой заповедник под названием «Венеция». Тем не менее присутствие алмазных разработок внушает тревогу – для их функционирования нужна вода, и этот фактор может повлиять на дальнейшее критическое снижение обводненности долины реки Лимпопо, а соответственно и на экологию земель Тули и окружающих территорий.

– Тут некогда и крокодилы обитали, – продолжал старец, – во-от такие огромные... И бегемоты... Нашим женщинам приходилось остерегаться, когда они ходили за водой.

– А львы? – спросил я, показывая на Северный Трансвааль, к югу от берегов Лимпопо.

– И львы... Много их было во времена моего отца. Знаешь алмазные копи? Вот в тех-то местах их и было больше всего.

Я задал Сэлмону неизбежный вопрос, заранее зная, какой будет ответ.

– Куда ж они делись, Сэлмон? Ни одного ведь не осталось. Только те, что приходят с нашей стороны, из Тули; и здесь их отстреливают фермеры.

Он ответил так: львы исчезли. Как и река, львы Северного Трансвааля исчезли. Сэлмон рассказал мне, что одно время белые люди их часто отстреливали. Меньше стало львов – меньше стало выстрелов, и теперь, когда лев из Тули бесшабашно пересекает посуху русло реки Лимпопо и попадает в Южную Африку, это вызывает панику среди фермеров и восторг у охотников, и, естественно, как и его предшественников, беднягу отстреливают. Скотоводство, которым здесь занимаются белые, вкупе с их охотничьим азартом привело к тому, что на очередном участке юга Африки вовсе не осталось львов.

– Когда со львами было покончено здесь, некоторые еще оставались там, – сказал Сэлмон, показывая на север, в направлении Тули.

Но и в самом Тули существовал конфликт между львами и человеком, старавшимся уберечь свой скот. Между 1880 и 1960 годами было немало посягательств на домашний скот со стороны львов, плачевно оканчивавшихся для последних. Только в 1950 – е годы в Тули было убито сто пятьдесят львов.

Мне рассказывали о диком случае, происшедшем в те годы. Несколько фермеров, занимавшихся скотоводством, застрелили нескольких львиц; у одной из них сосцы были отягощены молоком. Поверженных цариц природы бесцеремонно погрузили в тележку, запряженную

ослами, и отвезли на ферму. Там с них содрали драгоценные шкуры, а тела просто выбросили за ограду.

Ночью кто-то из фермеров услышал крики детенышей. Изголодавшиеся львята каким-то образом учуяли, где лежало обезображенное тело их матери, и нашли его. Но, в свою очередь, их обнаружил фермер и пристрелил.

К середине 1960 – х годов от обитавшей в Тули популяции львов остались совсем единицы. На севере, в регионе Тули-сафари, некоторое количество львов чудом уцелело; львы Тули – единственные из тех, что когда-то обитали на огромной территории, включавшей Северный Трансвааль в Южной Африке, Восточную Ботсвану и значительную часть юго-запада Зимбабве. Львы Тули, которых, судя по всему, оставалось не более полусотни, были последними из популяции, насчитывавшей многие сотни, – жалкие остатки тех, что обитали по всему югу Африки.

К счастью для львов Тули, в январе 1964 года некоторые из жителей Ботсваны обратились в Департамент охраны природы страны с призывом запретить охоту на львов и леопардов в Тули. Предложение получило одобрение, и с тех пор, хотя на территории Зимбабве львов продолжали убивать, легальному отстрелу львов в Ботсване был положен конец. Но браконьерская охота продолжалась и продолжается поныне.

Дикие земли, куда я готовился выпустить моих львов, традиционно принадлежали племени нгвато, чьим верховным вождем в 1880 году стал Кхама. Это была необыкновенно цельная личность; о нем писали как об одном из самых выдающихся вождей на юге Африки. Его сын, сэр Серетсе Кхама, стал в 1966 году первым президентом Ботсваны.

Бурская агрессия и угоны скота привели к тому, что Кхама III стал искать для своего народа и страны покровительства британской короны. Он добился его – и «Земля Кхамы» стала британским протекторатом Бечуаналенд. Этот период африканской истории представляет собой смешение – смешение концессий, колонизации и прав на владение копиями.

В это время могучей Британско-Южноафриканской компании, управляемой небезызвестным Сесилом Джоном Родсом, была предоставлена земельная концессия. В эту концессию входила территория нынешнего Тули. Роде застолбил эту землю, планируя провести по ней участок задуманной им железной дороги от мыса Доброй Надежды до Каира; но необходимость сооружения бесчисленных мостов через множество рек и речушек, крайне удорожавшая строительство, делала нецелесообразной прокладку дороги по этой земле, и впоследствии она была распродана под фермы. Так начиналось сегодняшнее фермерство Тули, включая и заповедник Северного Тули, объединивший нынешних землевладельцев.

Эта территория юга Африки была изначально богата диким зверьем, но в XIX–XX столетиях оно было почти полностью истреблено белыми охотниками и путешественниками. Урон дикой фауне был нанесен такой, что уже в 1870 году охотникам за слоновой костью приходилось двигаться с юга на север по землям Тули и углубляться на территорию нынешнего Зимбабве в поисках слонов. Стада южноафриканских слонов, в том числе и те, что были в Тули, были к этому времени полностью истреблены.

Однако теперь в Тули снова немало слонов. Преследуемые с запада и востока, стада слонов шли из самого Мозамбика искать убежища в Тули, и в тот момент, когда я пишу эти строки, их число перевалило за шестьсот.

Не все виды дикой фауны, когда-то обитавшие в Тули, живут здесь до сих пор. Исчезли черный носорог и африканский буйвол, гиеновая собака и лошадиная антилопа, ряд других копытных и, в значительной мере, крокодилы и бегемоты, о которых упоминал Сэлмон. Теперь можно не бояться спускаться к берегам Лимпопо: а кого бояться-то, кто скроется в песках?!

Последние три десятилетия оказались более радужными – землевладельцы в Тули все больше стали переориентироваться с охоты на сохранение природы. В эти годы стали более многочисленными стада уцелевших видов животных, и, слава Богу, никто из землевладельцев

не строил заборов, препятствующих свободному передвижению животных. В соседней Южной Африке, где дикая фауна объявлена собственностью землевладельца, на чьей земле она живет, собственнический инстинкт заставляет воздвигать такие заборы. В Ботсване же дикая фауна находится в собственности государства, а не частных лиц, у землевладельцев нет причины ограждать свои территории.

Но продолжительное существование дикой фауны на частных землях в значительной мере зависит от отношения землевладельца. Похоже, что современные законы ограничивают доступ государства к находящейся на частных землях дичи как к «национальному богатству».

В 1970 – х – начале 1980 – х годов популярным природоохранным понятием на юге Африки стало «использование» дикой фауны. Это подразумевает «выбраковку» отдельных особей и «коммерческую» охоту, средства от которой направляются на природоохранные мероприятия. Понятие «использование» возникло в частных заповедниках на территории Тули в конце 1970 – х годов, когда некий владелец обширных земельных угодий обратился в Департамент охраны природы Ботсваны с предложением о проведении мероприятий по «выбраковке» на его территории. Ему было отказано; он подал на Департамент в суд, но проиграл дело, понеся к тому же все издержки по его ведению.

К этому времени землевладельцы Тули разделились во мнении, какую стратегию применить к региону в целом. Споры и борения между ними привели к тому, что вопрос был вынесен на обсуждение парламента Ботсваны. После того как Национальное собрание приняло обращение к правительству с призывом приобретать фермы Тули для организации национального заповедника, была организована встреча землевладельцев Тули с правительством.

Причиной возникновения этого движения явились неудовлетворенность общественности страны положением дел с охраной дикой природы и беспокойство за ее будущее. Недостаток сотрудничества между землевладельцами и властями, отсутствие общей природоохранной стратегии делали весьма сомнительным будущее здешней дикой природы и дикой фауны. В результате правительство отняло у землевладельцев право охотиться и определило, что «выбраковка» и подобные мероприятия могут производиться не иначе как с разрешения Департамента охраны природы. Кроме того, покупка и продажа земель в Тули могла производиться теперь только с одобрения министерства, и всякая покупка земли облагалась теперь тридцати-процентным налогом в пользу государства.

В настоящее время земли Тули по-прежнему находятся большей частью в частном владении, но землевладельцы заметно объединены природоохранными идеями. Так, в 1980 – е годы в эти земли удалось вернуть жирафов. Но по-прежнему требуется активное участие землевладельцев в развитии активной природоохранной стратегии для региона в целом. Так, крайне необходимо, чтобы землевладельцы организовали антибраконьерские отряды для оперативных действий по всей территории Тули.

Теперь в некоторых частных заповедниках в Тули развивается туризм. Для туристов построены шикарные домики, гиды на вездеходных автомобилях, движущихся вне дорог, показывают туристам дикую фауну. Но, несмотря на развитие туризма, в момент, когда пишутся эти строки, для сохранения дикой фауны по-прежнему мало что делается – остается молиться и надеяться, что со временем и с усилением чувства ответственности дела изменятся в лучшую сторону.

Примерно в то же время, когда я привез сюда львов, несколько частных заповедников на востоке – как раз там, где я собирался поселить своих львов – консолидировались в более крупный заповедник с единой природоохранной стратегией. Это произошло по инициативе молодого борца за охрану природы Брюса Петти, ставшего директором всей этой большой территории, получившей название «Заповедник Чартер». Природоохранная концепция, развиваемая Брюсом, существовала еще в годы его детства, но не получила тогда применения из-за

отсутствия средств. Но в конце концов она получила воплощение – что ж, каждое путешествие начинается с первого небольшого шага.

Природоохранная концепция Брюса Петти остро нуждается в воплощении на всей ботсванской территории земель Тули. Но даже если святое дело утвердится в умах большинства землевладельцев Тули, земле по-прежнему будет наноситься ущерб, а ее дикая фауна останется под угрозой уничтожения, если не будет должным образом налажена охрана.

Позволю себе процитировать отрывок из книги Кьюки Голманна «Мне снилась Африка», в которой рассматривается вопрос о том, как это – владеть землей:

«Так значит, я – землевладелец? – говорил я от чистого сердца. Как часто задумывался я, что же за этим кроется. – Я не чувствую себя землевладельцем. Я не могу поверить, что мы и в самом деле имеем землю в собственности. Она существовала до нас и будет существовать после того, как мы уйдем в небытие. Я верю, что мы можем только взять ее под свою заботу – как ее пожизненные попечители. Я даже не родился здесь. И я считаю своей огромной привилегией быть в ответе за кусок африканской земли».

Многих из тех, кто «владеет» землями на юге Африки, могли бы вдохновить эти слова, полные сочувствия и мудрости.

Недостаточная защищенность – общая беда частных заповедников – во многом повлияет на ход истории моей жизни в обществе львов. Я стремился к тому, чтобы дать львам возможность жить в родной дикой природе и самим добывать себе пищу, но вместе с тем мне нужна была уверенность в том, что они не станут жертвой различных угрожающих факторов, таких, как браконьерство или конфликт с владельцами домашнего скота. Тули и его фауна нуждаются в более надежной опеке, принимая во внимание то, что им нужно учитывать груз проблем, доставшихся от прошлого, и потенциальную возможность приобретения международного значения этим регионом, где обитают представители редкой дикой фауны.

Моя глубокая страсть защитить Тули зародилась еще в предыдущий период работы здесь – в 1983 – 1986 годах. Тогда, едва разменяв третий десяток, я работал егерем в одном из самых крупных частных заповедников. В число моих обязанностей входило наблюдение за местной популяцией львов и ее изучение. Так изучение небольшой популяции львов на местном уровне привело меня к пониманию значения льва как вида в масштабе всей Африки. Еще будучи юным егерем, я глубоко проник в жизнь львов и был шокирован и опечален, когда понял, что происходит с популяцией львов в Тули.

В результате браконьерства и ряда других факторов число львов в Тули сократилось за каких-нибудь два с половиной года почти наполовину – примерно с 60 до 29 особей. Некоторые из них были истреблены за то, что резали домашний скот в хозяйствах, расположенных по границам Тули; иных самым подлым образом сманили на южноафриканские фермы, и там они стали жертвой «спортивной охоты». Но больше всего их пало от браконьерских силков – обыкновенных проволочных лассо, смертельных для львов и для других животных. Эта форма браконьерства опасна даже для слонов – я знаю одного молодого слона, которому шесть лет назад проволокой целиком отрезало хобот, и, однако, он непонятно как выжил и живет до сих пор. Мне не раз приходилось видеть и других слонов с укороченными хоботами – все они стали жертвой браконьерских проволочных петель.

Результатом наблюдений, чувств и действий в этот период моей жизни явилась книга «Плач по львам», которую я написал в надежде привлечь внимание к проблемам львов Тули и в попытке побудить к действию во имя их более надежной защиты. Наивно веря в силу пера, я был уверен, что эту защиту им удастся обрести.

Я уехал из Тули, чтобы написать эту книгу, а когда закончил ее, то в течение двух последующих лет изучал проблему львов в масштабе континента. Я исколесил тысячи километров по югу Африки, впервые встретился с Джорджем Адамсоном и поработал с ним; итогом всего

этого явилась вторая книга, тематика которой осталась традиционной: львы, люди, вторжение, браконьерство, ружья, пули, смерть и лишь изредка – надежда...

Все три с половиной года, что я был вдали от Тули, эта земля оставалась в моем сердце. Я знал, что однажды должен буду вернуться. И все эти три с половиной года я получал оттуда вести: «Еще один лев попал в капкан... Предполагается, что потомство львиц-сестер Кали уничтожено... Попал в капкан старый лев Дарки, но ему удалось перегрызть браконьерскую петлю...» Из других источников я слышал, что львиное поголовье не только стабилизировалось, но и растет, и эти лживые сведения давали мне обманную надежду: я не смог распознать иронию в том, что мне сообщалось.

В 1989 году я собирался возвратиться на эту землю. Планы у меня были большие – просвещение людей в вопросах окружающей среды, попытка нового пересчета поголовья львов и учреждения более надежных мер по защите как этих львов, так и всей дикой фауны заросших кустарником земель Тули. Со смертью Джорджа моей главной целью стала подготовка троих львят к жизни в дикой природе.

Возвращение в Тули явилось для меня возвращением на родину, и вскоре по прибытии я записал такие слова – слова, запечатлевшие мои чувства по возвращении на ту землю, которой принадлежит мое сердце. Вот эти строки:

Я снова на земле,
которую я знал.
Я снова на земле,
где сердце я свое оставил.
Я снова здесь! Я снова здесь!
Слеза струится по моим губам.
О, чудо! Наконец мы снова вместе!
Старуха мать! Дай мне тебя обнять!
О дикий мир,
как тягостно тебе
В ручищах жадных человека!
О дикий мир,
с круговоротом вечным,
Текут в котором годы,
жизнь и смерть.
Свободными надолго ль нам оставаться вместе?
Надолго ль быть свободными —
тебе и мне?
С тех пор, как я
твоим проникся духом,
Мне кажется, что меньше мир
вокруг тебя.
А может, я ошибаюсь – просто вырос сам?
Не важно! Хорошо, мы снова вместе!
Старуха мать! Дай мне тебя обнять!
Жизнь – это цикл.
И на твоих глазах я вырос,
как в лесу растут деревья. И тогда
Вослед орлам на север я умчался.
Года прошли, но я не возвращался.
Но ты манил меня

своим прохладным бризом,
Слова любви так искренно шептавшим,
И вот вернулся я.
Своим прикосновеньем
Меня ласкаешь ты.
Я рад бы умереть здесь.
Что ж, да будет так!
Я снова здесь! Я снова здесь!
Слеза струится по моим губам.
Как хорошо, что снова вместе мы!
Старуха мать! Дай мне тебя обнять!^{note 2}

И снова встреча со старцем Сэлмоном под деревом машату... Я спросил его, что он думает о моей работе – защите дикой фауны и возвращении львов в дикую природу.

Подумав немного, он сказал:

– Молодчина... Мои внуки не знают львов так, как я когда-то или как их знали наши предки. Дети знают о львах только по картинкам.

Он смолк, а затем печально кивнул головой.

– Белый человек столько погубил – что зверей, что нашу древнюю культуру, – а теперь хочет возвращать зверей назад! То-то! Раскидавши ворохами, собирать надумали крохами! – Он запнулся и пренебрежительно оставил тему.

Тут-то я понял, что он имел в виду. С исчезновением зверья, которого в его молодые годы много было на юге Африки, выродилась и сама земля, подверглась эрозии и ее аборигенная культура. Сам старец и его народ, как и земля, стали изолированы, порвались связи, и, возможно, он на склоне лет не видел будущего – так, как он мог видеть грядущее, будучи молодым человеком. Слишком уж изменилось все вокруг.

Разговаривая со старцем, я заглянул назад во время и задумался о переменах, происшедших в судьбе Тули. Из рассказа Сэлмона я понял, что, несмотря на время, на всю эрозию жизни, Тули еще, можно сказать, повезло: она выжила, в то время как земли и их дикая фауна к югу оказались утраченными.

Суть истории и судьбы Тули, мне кажется, заключена в строчках послания, адресованного в 1885 году вождем североамериканских индейцев Сиэтлом президенту Соединенных Штатов Америки:

«Что ж будет с человеком,
коль все зверье исчезнет?
От одиночества в душе
погибнет он и сам.
Что б ни случилось со зверьем,
и с человеком будет то же.
Такая в жизни странная
взаимосвязь.
И если что-нибудь
с землей случиться может —
Того не избежать
и всем ее сынам.

Еще с самого начала работы по подготовке львов к жизни в родной стихии – во имя львов, во имя Тули – я решил избрать это послание девизом своей деятельности. Моей целью

стали движение к большему равновесию между дикой природой и человеком и попытки как-то сгладить конфликт, столь долго существовавший на юге Африки.

Глава третья. ЖИЗНЬ В «ТАВАНЕ»

Лагерь» Тавана»– напоминаю, это значит «Львенок»– расположился в живописной череде долин как раз на границе с зимбабвийской территорией Тули-сафари. Как и «Кампи-иа-Симба», что значит «Лагерь Львов», в Кора, «Тавана» окружена двенадцатифутовым забором – буквально с той целью, чтобы люди находились внутри, а звери снаружи. Как и «Кампи-иа-Симба» Джорджа, наш лагерь был описан кем-то из наших нечастых посетителей как «зоопарк в заповеднике», в котором человек находится за забором, а дикая природа с ее фауной – снаружи.

Жизнь среди дикой природы была в новинку для Джулии, выросшей в городской среде и прежде работавшей в конторе. Но тем не менее жившее в сердце Джулии соперничество обитателям дикой природы быстро помогло ей адаптироваться к новым условиям, и ей, и львам не составило труда привыкнуть к новому дому.

Еще в самом начале нашего проекта люди, знавшие Джулию по Южной Африке, откуда она родом, выражали мнение, что она не приживется в дикой природе и скоро вернется домой. Такое мнение сложилось, на мой взгляд, из-за ее хрупкой фигуры и впечатления незащищенности. Ее дружная семья тоже глубоко сожалела по поводу того, что Джулия выбрала жизнь среди дикой природы. Никому и в голову не приходило, какие стремления, потребности и надежды возрастали в душе Джулии. Прошло совсем немного времени, и обнаружилось, как неправы были доброхоты – Джулия показала свою целеустремленную и находчивую натуру, качества, прежде таившиеся в ней где-то под спудом.

До того как мы привезли львят в Ботсвану, у нас с Джулией не было близких отношений; про себя я гадал, увянут или не увянут наши юные отношения в условиях дикой природы. Надо сказать, я недооценил душевные силы и терпение Джулии.

Со стороны могло бы показаться экзотичным и романтичным, что двое молодых людей живут и работают вместе в заросших кустарником землях Ботсваны, готовя львов к жизни на воле, да в какой-то степени так оно и было. Но, по большому счету, жизнь в дикой природе подвергает молодую пару таким испытаниям, в которых их чувства либо закаляются, либо гибнут. За те два года, что мы провели в «Таване», мы не раз были на грани разрыва, но в итоге отношения между нами окрепли, в первую очередь благодаря совместно накопленному опыту, испытаниям и невзгодам, поражениям и триумфам.

Пока я в эти первые месяцы скитался со львами по землям Тули, Джулия занималась повседневной работой по лагерю. Каждое утро начиналось с подметания – неблагоприятное занятие, потому что стоило подуть летним ветеркам – предшественникам сезона дождей, – и наша крохотная кухонька и палатки опять оказывались занесенными пылью и засыпанными листьями. Когда же Джулия принималась стирать или мыть посуду в большом пластмассовом тазу, назойливые мухи облепляли ей лицо и глаза.

Удобства в «Таване» были весьма специфическими, особенно для тех, кто привык к городскому комфорту. К примеру, галльон представлял собою вырытую в земле глубокую яму, увенчанную «троном» из челюсти слона. К несчастью, под планками, на которых был установлен «трон», поселилась плюющаяся ядом кобра; у нас было несколько таких встреч с этой змеей, от которых волосы вставали дыбом.

Однажды утром Джулия, готовясь воссесть на трон из слоновой челюсти, вдруг заметила подле трона изготовившуюся к плевку шестифутовую кобру и, понятно, дала деру. Когда под вечер я вернулся со львами, она сообщила мне, что испытала такой шок, что в течение суток боялась туда наведаться. Я же, от души похотав, согласился, что в самом деле нужно дать кобре срок – пусть уползает, гадина, прочь!

Однако на следующее утро, перед рассветом, я спросонья поплелся в галюн и предался там размышлениям о предстоящем дне. Мои мысли были прерваны шипением, раздавшимся из-под земли, и тут на меня нашло прозрение. «Кобра!» – догадался я и моментально катапультировался, как пилот из подбитой машины. Сердце мое колотилось от страха. Когда я прибежал к своей верной Джулии, настал ее черед поохотать всласть.

Душевая у нас находилась в трехстенном деревянном сооружении, примыкавшем к галюну. Все оборудование – ведро, служившее и ванной, и душем. Кобра и сюда весьма частенько навевалась. А так как «санузел» находился всего в каких-нибудь двух метрах от ограды, то нередко Джулия или я обнаруживали, что львы с интересом наблюдали, упершись мордами в ограду, как мы моемся или предаемся размышлениям, восседая на троне из слоновой челюсти. Иногда по вечерам, когда Джулия принимала душ, я слышал шорох в кустах. Потом до меня доносились слова Джулии:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.